

КОГДА юбилей так-о-го! — тут уж никакая похвала не покажется чрезмерностью. Поэтому я сразу же, с самого начала, приведу то, что знаю давно, что читал у других и с чем не согласиться не смею. Конечно же, наш несравненный Ираклий Луарсабович Андроников, 75-летие которого мы в эти дни отмечаем, — уникальный, неповторимый, фан-та-стический! Вы чувствуете, я уже перешел на его интонацию, это он сам так с веселым изумлением, разделяя слово по слогам, отчего концовка «кий» уже взвывает под всплеск восклицательных знаков, говорит обычно о человеке, которого любит, которым давно восхищается и с которым встретиться в жизни было счастьем. А теперь существительные — тут тоже такой, я вам скажу, ряд, когда заходит речь об Андроникове: феномен, явление, событие, удивительно-притом!!

А что? Все верно. Я даже замечу, что все эти сверхаппитеты — лишь верхний слой, доступный любому взгляду. Пенки на хорошем молоке? Нет, само молоко — да позволено будет сделать такое неожиданное сравнение. А что, много ли вы встречали докторов филологических или иных наук, которые были бы одновременно народными артистами СССР? Один Андроников. Да ведь он еще и основоположник! Не только «устных рассказов», как их называют, это давно само собой разумеется, да и Иван Федорович Горбунов жила и выступал в свое время, тоже автор своих рассказов, по свидетельству современников, так же блистательно остроумных и на редкость живописнейших. От Ираклия Андроникова еще пошла череда писателей-разведчиков, поисковиков, открывателей.

Я помню, с каким восторгом Сергей Сергеевич Смирнов слушал в редакции «Нового мира» Андроникова, его рассказы «Загадка Н. Ф. И.», «Портрет». А потом уже пошли многочисленные «По следам...», «В поисках...» — положивший же первый камень в здание этого нового очеркового, исторического, исследовательского литературного жанра он самый, Ираклий Луарсабович.

Ему еще крепко повезло — он пришелся на пору телевидения. Помню, как еще до войны гуляли слухи о необыкновенном исполнителе рассказов, который кого хочешь представит во всей их натуральности — Алексея Толстого так Алексея Толстого, Качалова так Качалова... Но многие ли тогда могли увидеть это чудо искусства, и между прочим, в то время умные люди говорили об этом именно как о чуде. В 1935 году сам Максим Горький написал в журнале «30 дней»: «Кто слышал эти рассказы в изображении автора, тому они напоминают о его исключительной талантливости. Разумеется, — добавлял он, — что оторванные от автора, они многое теряют, но все же очень хороши». Приходилось облизываться, читая это. А теперь мы, миллионы и миллионы телезрителей, сами по рассказу Андроникова «Первая встреча с Горьким» отлично соображаем, отчего восхитился великий писатель.

Он еще и зачинатель, основоположник — нет, не жанра, скорее, целого направления в нашем телеискусстве. Какого — затрудняюсь сразу определить. «Театр одного актера»? Да какой же это театр, и разве Андроников — актер? На любых подмостках он точно такой, как в жизни, ну, скажем, за обеденным столом или на прогулке с приятелем. Он исключительно артистичен, но разве артистизм — привилегия одних актеров; как раз среди них артистизм — удел лишь одних

танталов, да еще не всяких. А если иметь в виду такие передачи Андроникова, как «Воспоминания о Ленинградской филармонии» или «Троекуровы палаты», — так что это? Просветительство или «университет одного ученого»? Какого, кстати, — литературоведа, музыковеда или кого другого? Нет, не берусь за определение. Одно твердо знаю: это уже целое направление.

Был такой критик — Владимир Борисович Александров. Так вот он еще в 1940 году написал статью, которая так и называлась — «Ираклий Андроников». Уже как о явлении, хотя тогда Ираклий Луарсабович всего лишь несколько раз выступил перед московскими да ленинградскими писателями, широкая публика и слыхом о нем не слыхивала.

Мне кажется, что теперь лишь малые дети могут не знать Андроникова. А так, когда идут его телепередачи, все у приемников, и всем — от ака-

жет, никто и не слыхивал, потому что в поезде я понял, что Андроников еще непрерывно варьирует, импровизирует, выдумывает, находит, и, скорее всего, именно это ему больше всего и нравится самому.

Единственное, что ему не нравилось, это сам поезд. Поезд, как известно, «букет еще тех запахов». Ну и что? «У меня с детства есть один недостаток, — вдруг пожаловался Андроников, — у меня собачий нюх. Я чувствую запахи, как собака». «Ну и что?» — спросил я. «А то, что я чувствую, что в соседнем купе несвежая колбаса». — «Да не может быть!» — «Как не может? Фадеев тоже удивлялся, когда я говорил ему подобное. Не верил! — Ираклий! — и тут он уже начинал говорить голосом Фадеева, — ты мелешь чепуху». И я однажды предложил ему опыт: «Завяжи мне глаза, сказал я, и капни на ножницы духами и забрось эти ножницы к чертовой матери на своей пе-

жет, никто и не слыхивал, потому что в поезде я понял, что Андроников еще непрерывно варьирует, импровизирует, выдумывает, находит, и, скорее всего, именно это ему больше всего и нравится самому.

Единственное, что ему не нравилось, это сам поезд. Поезд, как известно, «букет еще тех запахов». Ну и что? «У меня с детства есть один недостаток, — вдруг пожаловался Андроников, — у меня собачий нюх. Я чувствую запахи, как собака». «Ну и что?» — спросил я. «А то, что я чувствую, что в соседнем купе несвежая колбаса». — «Да не может быть!» — «Как не может? Фадеев тоже удивлялся, когда я говорил ему подобное. Не верил! — Ираклий! — и тут он уже начинал говорить голосом Фадеева, — ты мелешь чепуху». И я однажды предложил ему опыт: «Завяжи мне глаза, сказал я, и капни на ножницы духами и забрось эти ножницы к чертовой матери на своей пе-

ли русской». В восемь утра Андроников, свежий, выбритый, бодрый, стучал палкой поочередно «царю» и мне в наши номера: «Завтракать! Завтракать! Час пробил!» А то распахивал дверь и с искренним изумлением: «Как, вы еще умываетесь? Позор!» Когда он спал? Я этого до сих пор не знаю. С трудом я вырывался из его номера во втором часу, я уже не мог, глаза спалились, а он хоть бы что, читает и постоянно комментирует, ему всегда нужны были собеседники, чтобы обсудить только что открытую им новость. «Вы понимаете, выясняется, что пятого июля тысяча восемьсот тридцать шестого года Гоголь читал у Вяземских свою комедию «Женитьба», и никто из гоголеведов понятия об этом не имеет, потому что...» — и следовала целая лекция о том, что все мы, тупицы, ничего об этом до сих пор не знали, а как это важно, и он ходил в своем номере, словно лев в клетке, в восторге от такого сообщения Софи Николаевны Карамзиной, а у меня сил никаких не оставалось после шестнадцати часов — с восьми утра до глубокой полночи — непрерывного бдения, я вырывался, грохался в свою кровать, но в четвертом часу стук в дверь, и на пороге Ираклий: «Неслышанно! Вы знаете, сколько было подписчиков у пушкинского «Современника»? Только семьсот, сам Карамзин пишет: «У Пушкина 700 подписчиков, не много». Этого же никто никогда не знал. Знали, что тираж первой и второй книжек был отпечатан в количестве двух тысяч четыреста экземпляров, а третьей уже вдвое меньше — тысяча двести. Но чтобы семьсот!» А я с трудом что-то соображаю, смотрю осовело на возбужденного новостью Андроникова... А в восемь утра: «Вы еще умываетесь? Позор!»

И мы через пять минут (темп! темп!) входим в кафе ресторана гостиницы «Урал». Ираклий Луарсабович впереди. Швейцар, моментально почувствовавший в нем какую-то заморскую или столичную штучку, почтительно сгибается перед ним. И за столиком начинается очередная импровизация — остужеский голос или мелкий подхихикивающий тенорек Алексея Толстого, или фадеевский, сипловатый. И он самый, с величественно откинутой назад головой, руки приглаживают шевелюру: «Ираклий! Тебе уже сколько лет, а ты все рассказываешь всякие прекрасные гнусности против меня. Я добьюсь исключения тебя из союза, потому что подозреваю, что ты по телефону руководишь от моего имени и моим голосом всеми писателями, и, значит, я просто не нужен...»

Так начинался очередной день, которому конца не было видно. Мы бывали в краеведческом музее, где стоял высоченный деревянный велосипед крепостного Артамонова, на котором тот прикатил с Урала в Москву на коронацию Александра I, и Ираклий в очередной раз останавливался, велосипед его завораживал, и я видел, что ему очень хочется хоть минутку посидеть на нем. Или там же смотрели на немислимые стальные прутья толстой чуть ли не с руку, холодным способом закрученные узлами и какими-то винтами, и Ираклий не переставал спрашивать, как это могло быть сделано, чтобы холодным способом, что за богатыри или чудоеи тут жили, — и эта вовсе не литературоведческая загадка опять не давала ему покоя.

Но главным был, конечно, красный сафьяновый переплет с золотым тиснением и зелеными потускневшими тесемками, где хранились письма. У меня до сих пор живет ощущение, да что ощущение — убеждение! — что Андроников знал по

Алексей КОНДРАТОВИЧ

ЭТОТ БЕСПОДОБНЫЙ АНДРОНИКОВ

Алексей КОНДРАТОВИЧ и Ираклий АНДРОНИКОВ. Урал, 1954 г.

демидов до студентов, от руководителей министерств до разнорабочих — всем, всем без исключения, он одинаково интересен. И время как бы вообще отключается до конца передачи, его нет, есть одно зрительское внимание. Но ни одна минута не бывает пустой: или вы что-то узнаете для себя новое, или наслаждаетесь умом и действительно подлинным артистизмом ведущего, или просто с удовольствием смотрите на него — еще пятнадцать-двадцать лет назад с проседью, теперь уже белого, как лунь; тогда — живого, подвижного, с броской жестикующей, свободной распахивающего перед телекамерой, теперь — чаще всего в покойном кресле за столиком, иногда лишь движением рук, пальцев долепляющего образ, что-то выразительное добавляющего к мысли; в давнюю пору — с ослепительной, какой-то взрывной, чисто андрониковской улыбкой, но без хохотка, а то и раскатистого смеха, не присоединиться к которому бывало невозможно, а ныне — иногда и грустного, прежняя улыбка прячется в уголках губ, но вдруг как вспыхнет! И неизменно, по-прежнему несколько не менее обаятельного. И не дороже ли он даже, чем тот, прежний? Не знаю. Знаю одно: был всякий — озорной, игровой, бесконечно разнообразный, неожиданный, поразительно тонкий в своем остроумии Андроников,

ет, коли дело касается, условно говоря, пушкинских, лермонтовских времен. Все знает! «Вот согласится ли? — тревожился Твардовский. — Может, очень занят...» Нет, он все-таки не знал до конца Андроникова. Тот мгновенно отозвался. И не одна интуиция в нем сработала, но и огромный запас знаний. «Демидовы! — воскликнул он, как только услышал предложение Твардовского. — Один из Демидовых был женат на дочери Карамзина. Еду!»

И через день мы в поезде Москва — Свердловск. Я в роли сопровождающего, представителя редакции. Вместе с нами милый фотограф Михаил Федорович Яковлев, на случай, если придется заснять рукописи. Андроников тотчас же переименовал его в первого Романа — царя земли русской, поскольку он Михаил Федорович. Так оно и прилепилось: я и сейчас, когда изредка перезваниваю с Михаилом Федоровичем, не могу обойтись без шутилого: «Ну, как дела, царь земли русской?» Понятно, что в дороге мы не скушали: Андроников «включил» себя на полную мощность, а другой он, наверное, вообще не знал. И хотя нас было только двое — это уже была аудитория, и я услышал от Ираклия Луарсабовича и то, что слышал раньше, и чего не слышал. Это был сплошной многочасовой фейерверочный концерт, да еще с такими эскападами, которых, мо-

ределкинской поляне — и я найду их». Фадеев с большим удовольствием сделал это. А я с не меньшим, когда мне завязали глаза, тотчас же направился по запаху в точном направлении и принес ему ножницы в зу-у-бах! «Ираклий, — возопил Фадеев, увидя эту картину, — богу наградил тебя еще и этим талантом!» — И Андроников расхохотался. Но на другое утро задумчиво сказал: «А из соседнего купе тянет сильнее». «Да ничего я не чувствую». «Счастливым, — сказал он. — Как все», — и снова принялся за продолжение концерта.

Но о концерте я еще скажу, потом я понял еще одну причину его, и очень важную...

Не стану описывать Нижний Тагил и впечатления от него у Андроникова, не буду особенно распространяться и о самой находке — все это у Ираклия Луарсабовича рассказано и описано точно и превосходно.

Но вот о чем он не мог написать, а я могу

Я моложе Андроникова почти на тринадцать лет, а тогда был совсем молод и на здоровье особенно не жаловался, но он меня за несколько дней в Нижнем Тагиле замотал. Человека такой, вот уж действительно фантастической работоспособности я не видел ни до, ни после. Разве лишь Константина Симона, на которого трудились поменно две стенографистки. У Андроникова стенографисток не было. Были я и «царь зем-

именам и отчествам всех ближайших родственников, всех, кто упоминался в этом альбоме. Ему ничего не стоило сказать: «Гм... да «милая мадам Шевич» — это же Мария Христовна Шевич, родная сестра Бенкендорфа, между прочим, — добавлял он уже вполне в современном стиле, — тоже стерва вроде ее братца...» Или: «Смотрите, снова Пьер — это же Петр Иванович Мещерский, не путайте его с Вяземским, тот в письмах всегда фигурирует как князь Петр». А я и не думал путать их, потому что такого отличия одного от другого никогда в жизни не знал.

Было полное впечатление, что он решительно все знает об упоминаемых в письмах людях, вплоть до того, что один прихрамывает, другой пришепечивает, третий не прочь при случае перевернуть карты. Он знал людей, быт, нравы, о поэзии и говорить нечего, по-моему, он шутя разбирался не только во всех текстах, но и вариантах. Потрясающая память! И, обнаружив, что альбом в сафьяновом переплете действительно огромная историко-литературная ценность, он загорелся найти в Нижнем Тагиле еще что-нибудь этакое, чтобы все ахнули. И мы после обеда повадились ходить к бухгалтеру рудоуправления Ольге Федоровне Поляковой, которая и заметила оставшийся после своего дяди Павла Павловича Шамурина, до Октябрьской революции маркшейдера демидовского управления, альбом, не придав ему никакой

цены. А вдруг у нее в сундуках еще что-нибудь есть? Уж как ее обхаживал обходительнейший Ираклий Луарсабович, сколько чаев мы сгоняли в ее домике, но старуха то ли учуяла с опозданием важность альбома, а скорее всего ничего особенного у нее и не было: так, кое-какие книги восемнадцатого века, больше по горному делу... И никак не давала Андроникову покоя обнаруженная в 1924 году в том же Нижнем Тагиле картина с подписью «Рафаэль Карбинас...». Андрей Демидов, муж одной из дочерей Карамзина, долгое время жил в Италии, скупал там картины... «А вдруг где-нибудь на чердаке? А?» — мечтательно говорил Андроников, и я видел, что он готов полжизни отдать, если и в самом деле на чердаке — и Рафаэль. О! Представляю, что с ним было бы!

Но нет, ничего не нашли больше. Однако и то, что обнаружилось, было, как говорил Андроников, «неслыханным богатством». «Тагильская находка» прояснила многое в трагической истории последних месяцев жизни Пушкина.

А вместе с тем он все время рассказывал, рассказывал, рассказывал. И чего только мы не наслушались с Михаилом Федоровичем! И лишь прочитав много позднее историю того путешествия, я понял, что он ведь еще на нас «репетировал». Он несколько раз говорил, и я все значения не придавал тому, что он выступит по телевидению. Я знал его рассказы по радио.

Но он же готовился предстать во всей своей натуре, пусть тогда не на нынешнем большом, да еще цветном экране телевизора. Отчетливо помню, что он ни разу не сказал, что будет выступать впервые.

Он, привыкший всегда быть на людях, и не просто быть, но и в центре их внимания, — волновался, теперь я в этомнисколько не сомневаюсь. И потому он рассказывал везде, где только можно, и я прослушал, наверное, весь его тогдашний репертуар. Он выступал перед нами даже в удивительном Дворце культуры, «которому равный не сразу подыщешь», как пишет сам Ираклий Луарсабович. Не знаю, что с этим дворцом сейчас, но тогда, точно могу сказать, ему не было равных по акустике. Превосходный дворец, шикарнейший по своей отделке, но в пустом зале Андроников вышел на сцену, уже все зная об акустике, усадил меня в шестой ряд, начал произносить свой монолог об Остужеве, и... я ничего не услышал. Зато в круглом фойе он встал в центре, произнес мою фамилию, и она под оглушительный хохот Андроникова обрушилась на меня со всех сторон. Он отошел в сторону на метр — и я снова ничего не услышал. Это Андроникова-то не услышать! Я бы особую премию за это чудо антиакустики выдал архитекторам!

И тогда я понял тайну устных рассказов Андроникова. Нет, успех их вовсе не в поразительном даре переимчивости.

Александров правильно пишет: «Из всех неправильных определений деятельности Андроникова определение «имитатор» — самое несправедливое и просто обидное». Да, это так. Андроников создает свой живой образ человека. Исключительно художественный образ, где того же Качалова не отличишь от реального Качалова, но реальный Качалов с изумлением смотрел на себя в исполнении Андроникова. Качалов себя таким не знал, не видел, не догадывался, что он именно такой. Людям, даже очень большим, свойственно хуже всего знать как раз самих себя. А Андроников их показывал во всей их натуральности. Он не пародировал их и тем более не передразнивал.

Искусство пародии при всем его зрительском успехе не такое уж большое, доступное в общем-то людям мало-мальски способным к переимчивости. Андроников никогда не опускался до одной подражательности. Он выдавал нам того же Фадеева в самых неожиданных ситуациях — при расчете с официантом или неожиданно в разговоре с Дантесом. Или что бы Фадеев, скажем, произнес на секретариате Союза писателей, узнав только что вычитанное Андрониковым из писем? И каждый раз это был неподдельный Фадеев и абсолютно внезапный. Но я почти уверен, что Фадеев именно то, что импровизировал Андроников, мог бы сказать. Вживание в образ? Нет, тут что-то побольше — художественное видение всего

человека, самого сложного, со всеми его особенностями, порой тонко замеченными слабостями, преувеличениями, заметной для самого человека, но чутко уловленной Андрониковым нарочитостью, даже искусственностью. И никогда не шаржированный грубо, всегда поданный любовно, с юмором, отчего созданные им фигуры всегда чарующе привлекательны и значительны. Не оттого ли Андроников так любит показывать людей больших — и вы никогда не почувствуете в них ни налета умиленности или искусственности.

Я иногда думаю: какое счастье, что есть пленка, что все это запечатлено. Это же богатство, и, возможно, мы еще не представляем какое! Вы подумайте только, если бы можно было сейчас увидеть в чьем-то исполнении живых Пушкина, Лермонтова! С ума можно сойти от одного такого предположения.

А определение я, может быть, и нашел. **Андрониковское**. Лучшее не придумано, но и точнее есть ли? Как вы сами думаете, Ираклий Луарсабович, — вы единственный в своем роде?

Вы тогда улетели утром из Свердловска на самолете. Я — поездом. Вечером вы уже выступали. Это было 8 июня 1954 года.

Как же я не сообразил тогда, что это была красная дата в истории нашего телевидения, всего нашего искусства?